

—20-го мая мы с Сашулей разъехались из Ленинграда, точнее, разлетелись в разные стороны - сначала она домой, а потом я в Ташкент. Мой рейс был около полуночи, погода лётная, но Аэрофлот за мою нелюбовь к нему всё равно устроил развлечение мне и прочим страдальцам с этого рейса, в том числе Беспрозванной с Широчковым из ААНИИ - рейс был задержан до четырёх утра, сообщили об этом в час ночи, когда стало уже бессмысленным уезжать из Пулково, и мы провели эти три часа, притулившись на лавочке, где Антенна Семёновна темпераментно доказывала мне, что открытие Колесника вовсе не открытие, об этом (явлении полной тени) они давно знали, только называли по-другому, а Колесник очень некорректно экспериментальные данные использует, даже на подтасовку похоже. Так мы с ней и не сомкнули глаз.

—Смысл предстоящего сборища в Ташкенте был не совсем ясен. Секция ионосферы при МГК (Межведомственном Геофизическом Комитете) представляла собой общественную организацию из ведущих исследователей ионосферы, созданную во времена МГГ (Международного Геофизического Года - 1957-58 г.г.) и имевшую своими задачами проведение ионосферных конференций и семинаров, выпуски тематических сборников и реализацию научных проектов. Числилось в ней человек сорок со всех геофизических закоулков нашей необъятной Родины, и собиралась Секция обычно на конференциях по физике ионосферы. Такой специальный съезд её членов, как ныне, проводился впервые по инициативе Данилова - заместителя председателя Секции (Беньковой, а бессменным Учёным секретарём была Юдович).

—Обуреваемый энтузиазмом Данилов зачем-то хотел "оживить" работу Секции и уверял, что на конференциях Секция не работает, так как не все приезжают, есть другие дела и т.д., и т.п. В чём должно было состоять "оживление", никому, да и самому Данилову, наверное, не было понятно. Тем не менее поехать в мае в Ташкент никто не отказался.

—Почему в Ташкент? Да просто место хорошее и давно там не собирались. Функционировала под Ташкентом ионосферная станция при Институте сейсмологии, на которой один сотрудник (Шамиль Хисамутдинов) искал в ионосфере эффекты землетрясений, да работал подчинённый ИПГ региональный ионосферный прогностический центр в лице Алика Сыроватского. Силами ионосферной станции и проводилось мероприятие.

—Проходило оно не в самом Ташкенте, а в месте ещё более приятном - в колхозном Доме отдыха "Сумча", расположенном в 90 км к югу от Ташкента, уже в предгорьях Памиро-Алая, на высоте чуть больше 1000 метров, где воздух чище и прозрачнее, и попрохладнее, чем в Ташкенте (где в эти дни температура воздуха была за 30 градусов, а здесь в Сумче - 25-27). Трёхэтажный корпус утопает в зелени, окрестные горы невысоки, но за ними видны и снежные вершины, бурливая горная речушка протекает, якобы с форелью, сейчас у неё ширина метров пять всего, но видно по каменистому руслу, что весной (сейчас уже лето) она разливается на все пятьдесят метров, необычные птицы порхают размером с голубя, яркой сине-чёрно-бело-красной расцветки и птички, похожие на воробьёв, но лихо ползающие по голой вертикальной стене.

—Непосредственно рядом с Домом отдыха расположено всего лишь несколько домиков местных сельских жителей, спрятавшихся за глухими глиняными заборами. Самих жителей на улице не видно, в пыли на обочинах дороги дремлют ишаки. До ближайшей деревни с магазином километра три. Обслуживают Дом отдыха селянки в халатиках и длинных штанишках, по оторочке и длине которых можно узнать замужняя это женщина или девушка. По-русски не говорят, но вроде бы понимают. Кормили в "Сумче" на убой - в пять раз дешевле и во столько же сытнее, чем в Ольгино.

—Главная достопримечательность Дома отдыха - бассейн. Большой - метров семьдесят на пятьдесят, и с трёх сторон нырять можно, глубоко сразу, а с одной стороны дно очень

полого выходит к берегу, здесь мелко, вода прогрета, цветёт, зелень всякая плавает, и лягушки собралась сюда со всей округи справлять свои свадьбы, оглашая окрестности хоровым урчанием к восторгу жены Мизуна и ярости Фаткуллина. Вода в бассейне почти проточная, наполняется он горной водой из системы арыков, регулярно её сливают и набирают новую. Поэтому прогреет обычно лишь самый верхний слой воды, с полметра, а глубже вода холодная. В первый же день только мы с Гинзбургом и Широчковым рискнули искупаться в этом бассейне и получили большое удовольствие. Больше никто нашему примеру не последовал, впрочем, как и в последующие дни. Да и публика собралась всё неспортивная, солидные мужи и кучка почтенных старушек. Гинзбург возмущался - что такое, не на кого глаз положить, где же женщины?

— Мы с ним поселились вместе, и по утрам, когда солнце ещё не вылезло из-за гор, бегали по сорок минут. Приходилось бежать сначала в гору и против ветра (по утрам стабильный ветерок задувал с гор вдоль дороги), тут мне было тяжело за Гинзбургом держаться, но я терпел, а обратно летели как птички, и с ходу - бултых в бассейн! Отлично!

— Однажды мы примчались утром с пробежки, а в бассейне почти вся вода спущена. Старый узбек, заведовавший её уровнем, объяснил нам с серьёзным видом, что кто-то из отдыхающих, купаясь в бассейне, потерял золотую челюсть, теперь искать будут. Мы было поверили и даже начали гадать, кто бы из наших это мог быть. Впрочем, а нам-то где теперь освежиться после пробежки? В номерах душ не работает. Айда на речку! И вот мы с Гинзбургом по очереди становимся на четвереньки на самом глубоком месте речки, где воды почти по колено, и отжимаемся на руках ото дна, окунаясь таким образом в ледящий поток. Конечно, не то, что в бассейне, но тоже неплохо.

— На заседаниях же было скучно. Отчитывались руководители подсекций и направлений за свою убогую "координирующую" деятельность, в том числе и мы с Поляковым: какие семинары проведены, сколько сборников выпущено - тут, конечно, Мизун оказался рекордсменом. Научные проблемы практически не обсуждались. Больше всего шуму было вокруг обветшавшей сети станций вертикального зондирования, выходящих одна за другой из строя, ибо давно уже не выпускались лампы к ихним допотопным приёмникам и передатчикам. Но шум был такой - пустопорожний. Не Секция эти вопросы решает. Данилов уверял, что где нужно, там знают об этом, но не знают, что делать, нет разработок, нет денег, чего только у нас нет... А наша обсерватория числится в передовых и ставится другим в пример по части бесперебойности наблюдений и автоматизации обработки данных.

— В день, когда участников повезли после обеда в Ташкент в знаменитый своей внутренней отделкой оперный театр на какой-то спектакль, Авакян пристроил меня в бластную компанию при Данилове, которого Алик Сыроватский вывозил на "рафике" в горы, к Чимгану. В компании этой кроме названных оказались ещё Андрей Михайлов и Лёня Колоколов (бывший наш ладушкинский основоположник на пару с покойным Суходольским, а теперь давно уже камчадал паратунковский). Перед отъездом я заговорил с Даниловым о нашей книге с Б.Е. (я обещал Брюнелли, что договорюсь с кем-нибудь из титулованных ионосферщиков об её редактировании), рассказал, что книга предполагается широкого плана и большого объёма с рассмотрением практически всех вопросов физики ионосферы, но преимущественно с позиций двух методов - экспериментального (некогерентное рассеяние радиоволн) и теоретического (математическое моделирование).

— Данилов соглашался, что такая книга нужна, хватит иностранцев переводить, старьё всякое, когда сами можем написать, и я с его точки зрения как раз тот человек, которому следовало бы это сделать, но почему с Брюнелли? Я объяснил - это мой учитель, он прекрасно читал в ЛГУ свой курс лекций по аэрономии, у него очень чёткое физическое мышление, глубокое понимание множества вопросов физики ионосферы и магнитосферы, широчайшая эрудиция и т.д., и т.п. Это настоящий классик геофизики. Данилов

поморщился.

— Году в шестьдесят седьмом я слушал его доклад по Д-области, и он мне ужасно не понравился, просто безграмотно было. Может, он в другом чём хорошо разбирается - не знаю. Тебе бы стоило скооперироваться с кем-нибудь из настоящих специалистов по физике ионосферы.

— "Уж не с тобой ли?" - подумал я про себя, а вслух сказал:

— Ну, Лёша, этот вопрос не обсуждается. Мы уже работаем над книгой вместе.

— А жаль. Ко мне прислушиваются в "Гидрометеоздате", и я мог бы обеспечить любой объём.

— Что поделаешь, - вздохнул я. - Ну, а редактировать ты не возьмёшься?

— Ой, у меня так много дел сейчас, просто некогда.

— Да это не сейчас, а через год, полтора.

— Всё равно, не смогу, забот всяких и так хватает.

— Ну, смотри. Я ведь к тебе по долгу вежливости обратился, как к зампреда Секции, чтобы ты не в претензии был, что мы тебя не попросили редактировать.

— На другой день я с тем же обратился к Иванову-Холодному.

— Молодцы, правильно, давно пора, - заявил он мне. И очень хорошо, что с Борисом Евгеньевичем, он прекрасный человек и учёный. Сочту за честь Вашу книгу редактировать.

— Поездка к Большому Чимгану была интересной. Там строили огромный туристско-горнолыжный комплекс. К сожалению, из-за ветра не удалось прокатиться на подъёмнике вверх по Чимгану. Зимой здесь, видать, здорово. Но что делают толпы туристов тут сейчас? Похоже, водку просто глушат с шашлыками. Правда, дельтапланеристы здесь ещё тренируются и соревнуются, планируя с горы в долину водохранилища на реке Чирчик. На той стороне Бричмула, о которой так красиво поют Никитины. Там, говорят, много уродцев рождается из-за отравлений висмутом, который добывают неподалёку. Останавливались у наскальных изображений первобытных людей, рядом священное дерево, всё увешанное платочками желающих что-то от этого дерева получить.

— Экскурсия в Ташкент была на следующий день после банкета. На банкете я пил очень умеренно, не курил и собрался было уже чинно пойти баиньки после его окончания, как вдруг взял меня крепко под руку Гор Семёнович и затащил к себе в номер. Потом там оказались ещё могучий Александр Иванович Лихачёв из Томска и Коля Климов. Лихачёву - седому, усатому, высокому, жилистому мужику, отцу Миши Лихачёва, уже далеко за 70 (78, кажется, тогда было, если не путаю), но пьёт он как конь и держится - дай Бог молодому каждому так держаться. На заседаниях он обычно спит, но в нужный момент просыпается, просит слова и выступает с одним и тем же тезисом, показывая при этом один и тот же слайд. Смысл тезиса в том, что традиционная статистика данных вертикального зондирования далеко себя ещё не исчерпала и таит в себе ключи к разгадкам многих тайн поведения ионосферы.

— Гор Семёнович пытал меня и Лихачёва по поводу Колесника: как мы к нему относимся? Я сказал, что недостаточно знаю его лично, но как специалиста уважаю, хотя и вижу недостатки в его работах. Лихачёв заявил, что в доктора ему ещё рано, годика два надо бы ещё поработать (тогда я не знал ещё о вражде его сына с Колесником, так, слышал только что-то). Гор Семёнович же упорно настаивал на том, что Колесник, может, и хороший специалист, но человек очень плохой, ничем, впрочем, своего мнения не мотивируя.

— А с Климовым мы выясняли наши отношения к Коену и Хазанову, обсуждали моё столкновение с Кринбергом на защите Хазанова и возможное будущее столкновение с ним - Колей Климовым на защите Коена. Коля спросил меня:

— Будешь так же биться за Коена, как за Хазанова?

— Смотря от чего придётся защищать, - отвечал я. - Вообще-то я предпочитаю давать положительные отзывы, это приятнее, или не давать никаких, и уж только в крайнем

случае, как с Бобарыкиным, например,... А ты будешь Коена топить?

— Буду, - обещал Климов. - Он меня надул со своей моделью, она до сих пор у нас не работает.

— Так же как Кринберг будешь бить - из-за угла?

— Да, у Кринберга неудачно получилось. Мы рассчитывали, что оппоненты нас послушают...

— Оппоненты не любят, когда их учат. Кринберг же не стал ко мне прислушиваться, когда у Бобарыкина оппонентом был. А там работа явно липовая была. Вот вам и ваша объективность. Поверю я теперь, что вы к Коену и Хазанову объективно относитесь?

— Но что Коля на этот счёт думает, мне так и не удалось выяснить, что-то нас отвлекло, очередной тост, наверное, а вскоре мы уж и совсем оба закосели и начали, кажется, песни петь.

— А наутро - экскурсия по Ташкенту. Причём сначала 90 километров от Сумчи до Ташкента в автобусе тряслись, потом и по Ташкенту преимущественно в автобусе мотались - город, ведь, огромный по площади, а жара градусов 35, и всё это с похмелья - нелегко было. Оттого, может, и Ташкент должного впечатления не произвёл, слишком много пустых пространств, просто залитых асфальтом - широченные магистрали, бескрайние площади. Асфальт отнимает место у зелени, которую, правда, приходится поливать, на всех газонах трубы, из которых фонтанирует вода для полива травы, кустов и деревьев. Но, говорят, что воды хватает (от горных речек).

— У одного из таких поливочных фонтанов напротив Дворца Дружбы народов произошла сценка, произведшая на меня большее впечатление, чем что-либо ещё в Ташкенте. С этого фонтана был снят рассекатель, дробящий поток воды на множество мелких струй как перевёрнутый кверху душ, и вода лупила вверх одной мощной струёй. Мы с Колесником подошли к этой струе, желая освежиться, помыть руки, попить. Однако, не тут-то было. Струя своим напором просто откидывала руку при попытке удержать её над струёй, и мы с Колесником так ничего и не добились. А вот Александр Иванович Лихачёв подошёл, сунул в эту струю голову и зафиксировал её там. Подержал так над струёй лицо, разинув рот, чтобы напиться заодно, и отошёл весьма довольный, утираясь платком. Как ему голову только не оторвало! Моя бы шея, точно, не выдержала. Во, мужик! Сибиряк - не то, что нынешнее племя.

— А в музеях было хорошо, прохладненько. Особенно приятно было в самом шикарном из них - Дворце Искусств, так он, кажется, называется. Там, кстати, выставлено несколько картин художника Бенькова, отца нашей Натальи Павловны, "одуванчика божьего", как её Юдович называет. Трудно себе представить, что и она была маленькой девочкой, дочкой художника. Но старушка молодец - из Ташкента в Самарканд ещё потащилась, на экскурсию. Мне в Калининграде Шагимурастов тоже советовал в Бухару и Самарканд съездить, но я не решился - уж больно утомительно здесь перемещаться.

— Я и из Ташкента-то еле выбрался, чуть не застрял там, причём будучи уже совсем без денег - не рассчитал, в Ленинграде с Сашулей поистратились. На мой прямой рейс до Калининграда (с посадками, разумеется) организаторы не смогли достать билет, хотя и обещали до последнего дня, но не сумели, а тем временем и на Москву билеты кончились. Я же рассчитывал ещё денёк отдохнуть в Сумче безо всяких заседаний, позагорать, в бассейне покупаться. Вместо этого пришлось тащиться в аэропорт, чтобы попытаться там подсесть на какой-нибудь рейс до Москвы. Тут мне, правда, повезло, и я улетел первым же аэробусом.

— В Москве жара, духотища, хотя температура воздуха всего 28 градусов, но переносится тяжелее, чем в Ташкенте 35. В переполненных автобусах (на экспресс сесть не удалось) я за три часа перекаптался из Домодедово в Шереметьево, где выяснил, что билетов на Калининград на ближайшие дни нет, надежды на посадку тоже практически нет, потому что у регистрационной стойки уже человек десять таких толпится. Опять в автобус и снова в Москву, на Белорусский вокзал. На Калининград на сегодня билетов

нет, но я канючу:

——- Девушка, посмотрите, может, найдётся один какой, хоть на крыше...

——- Сейчас, ещё разок запрошу.

——И мне наконец-то везёт: дают плацкартный боковой на "Янтарь", отправление через 20 минут. И через сутки я уже дома, на день раньше запланированного срока.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)